

ДРЕВНОСТИ ДНЕПРО-ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ СМОЛЕНСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ*

© 2020 В. В. Енуков

*докт. ист. наук,
директор НИИ археологии юго-востока Руси
e-mail: vyenukov@gmail.com*

Курский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы происхождения славянского компонента культуры смоленских длинных курганов, которая в литературе обычно отождествляется с кривичами. По мнению автора, она сформировалась в результате контактов двух миграционных волн: более ранней балтской и последующей славянской. Источником второй является население Днепровского Левобережья, оставившее древности волынцевского культурно-хронологического горизонта и роменской культуры. Его появление в Верхнем Поднепровье относится ко 2-й половине – концу VIII в., однако инфильтрация носила характер относительно длительного процесса, так как ее следы фиксируются и позднее. Проникновение южных элементов маркируют находки салтовской культуры, особенно активно поступающие в волынцевско-роменскую среду во 2-й половине – конце VIII – 1-й половине IX в., а также керамика и качественные кузнечные поковки в виде ножей и серпов.

Ключевые слова: Верхнее Поднепровье, культура смоленских длинных курганов, Днепровское Левобережье, Волынцево, роменская культура.

Практически с момента открытия этническая атрибуция культуры смоленских длинных курганов (КСДК) вызывала споры. Еще А.А. Спицын, который предпринял первую попытку осмысления накопленных к началу XX в. материалов, колебался в решении этого вопроса, то рассматривая длинные («удлиненные» по его терминологии применительно к Смоленщине) курганы как памятники славянских племен кривичей, то отождествляя их с кладбищами иноэтничного населения [Спицын 1903: 198; 1925]. В историографии последующего времени такая двойственность определения сохраняется. Часть авторов склонялась к неславянской (обычно балтской) принадлежности памятников КСДК (М.И. Артамонов, И.И. Ляпушкин, В.И. Шадыро и др.). Наиболее последовательным приверженцем этой позиции являлся Е.А. Шмидт [1969], который в течение нескольких десятилетий занимался планомерными исследованиями длинных курганов Смоленщины. В целом, не возражая против соотнесения КСДК с кривичами летописей, он считал, что она «...появилась в Поднепровье и Подвинье в уже сложившемся виде на основе балтских культур, расположенных западнее, а от сохранившегося местного населения восприняла только незначительные элементы их культуры» [Шмидт 2012: 20]. Однако указание на конкретный регион, где КСДК могла получить «сложившийся вид», отсутствует.

Постепенно количество сторонников славянской принадлежности КСДК увеличивалось (Н.Н. Чернягин, Е. и В. Голубовичи, П.Н. Третьяков, Л.В. Алексеев, В.В. Седов, Г.В. Штыхов и др.), при этом чаще всего в среде кривичей наряду со славянским отмечается присутствие балтского компонента. Автором в свое время

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №20-09-00041).

была представлена аргументация в пользу последней точки зрения, но с некоторыми уточнениями: КСДК появляется в результате контактов двух переселенческих волн: балтской (1-я половина VIII – возможно, середина VIII в.), которая, вероятнее всего, была связана с несколькими археологическими культурами, и более поздней славянской [Енуков 1990: 75, 126–132].

В историографии имеется два основных варианта решения вопроса происхождения славянского компонента КСДК, которые условно можно определить как «северный» и «южный». Согласно первому, который был наиболее детально обоснован в целом ряде работ В.В. Седовым, все памятники типа длинных курганов, как псковские, так и смоленские, отождествляются с кривичами русских летописей, хотя сам исследователь признавал специфику смоленских длинных курганов, полагая, что они могут отражать отдельную археологическую культуру [Седов 1995: 229]. С учетом того что появление псковских длинных курганов относится к V в., славянство смоленских неизбежно приобретает северный вектор [Седов 1974: 40; 1982: 53–54; 1995: 229–238]. Наиболее последовательным критиком любой связи псковских и смоленских длинных курганов выступил Е.А. Шмидт, апеллируя, главным образом, к инвентарю [Шмидт 2012: 16–22]. Впрочем, детальный сравнительный анализ погребальной обрядности также свидетельствует о принципиальных различиях двух групп памятников [Енуков 1992].

«Южный» вариант в своей основе имеет определенные параллели в инвентаре КСДК, в первую очередь в керамике, что отмечал даже сторонник балтской принадлежности культуры Е.А. Шмидт: «По характеру орнаментации глиняная посуда несколько близка к сосудам роменско-боршевским, а отдельные сосуды близки и по форме» [Шмидт 1969: 137]. Более определенно на этот счет высказался П.Н. Третьяков. Он считал, что в длинных курганах Смоленщины присутствует посуда, которая «...и по форме, и по орнаментации практически не отличается от роменско-боршевской» [Третьяков 1969: 89]. Это вызвало критику одного из ведущих исследователей славяно-русских древностей Днепровского Левобережья О.В. Сухобокова. В частности, он, не оспаривая идентичность декора, отметил, что приземистые и слабо расчлененные сосуды КСДК при сравнении с роменскими отличаются пропорциями, а в их тесте использовались примеси в виде дресвы и песка. Несколько неожиданно для общего контекста всего изложения постулировался вывод о близких аналогиях керамики КСДК в материалах боршевских памятников [Сухобоков 1975: 139].

Однако П.Н. Третьяков имел в виду только некую часть посуды КСДК, и анализ пропорций действительно позволяет выделить две группы, одна из которых имеет аналогии в славянских древностях лесостепи [Енуков 1990: 83–90]. В данном случае указывалось общее «южное» направление поисков вероятного источника ее морфологии с опорой на наиболее изученные материалы Правобережья Днепра. Однако формирование на Днепровском Левобережье памятников типа Волынцева, послуживших основой роменской культуры, судя по всему, связано с Правобережьем (Лука-Райковецкая) и Среднем Поднепровьем (Сахновка) [Обломский, Щеглова 1996: 130–132, Гавритухин, Щеглова 1996: 133–135; Гавритухин 1996: 136–139]. В свою очередь, в волынцевско-роменских материалах известна керамика, которая как по форме, так и по декору очень близка указанной части посуды КСДК (рис. 1; 2). В некоторых случаях имеются знаковые совпадения. Так, с возникновением Битицкого городища начали производиться круговые сосуды с характерным вертикальным венчиком, при этом им сопутствуют горшки, выполненные методом ручной лепки. Последние в небольшом количестве изготавливались позднее и роменским населением. В КСДК изредка встречаются формы с вертикальным венчиком [Шмидт 2014:

Рис. 15: 2], в отдельных случаях представляя собой практически полный аналог керамики Днепровского Левобережья (ср.: рис. 1: 3 и рис. 2: 8).

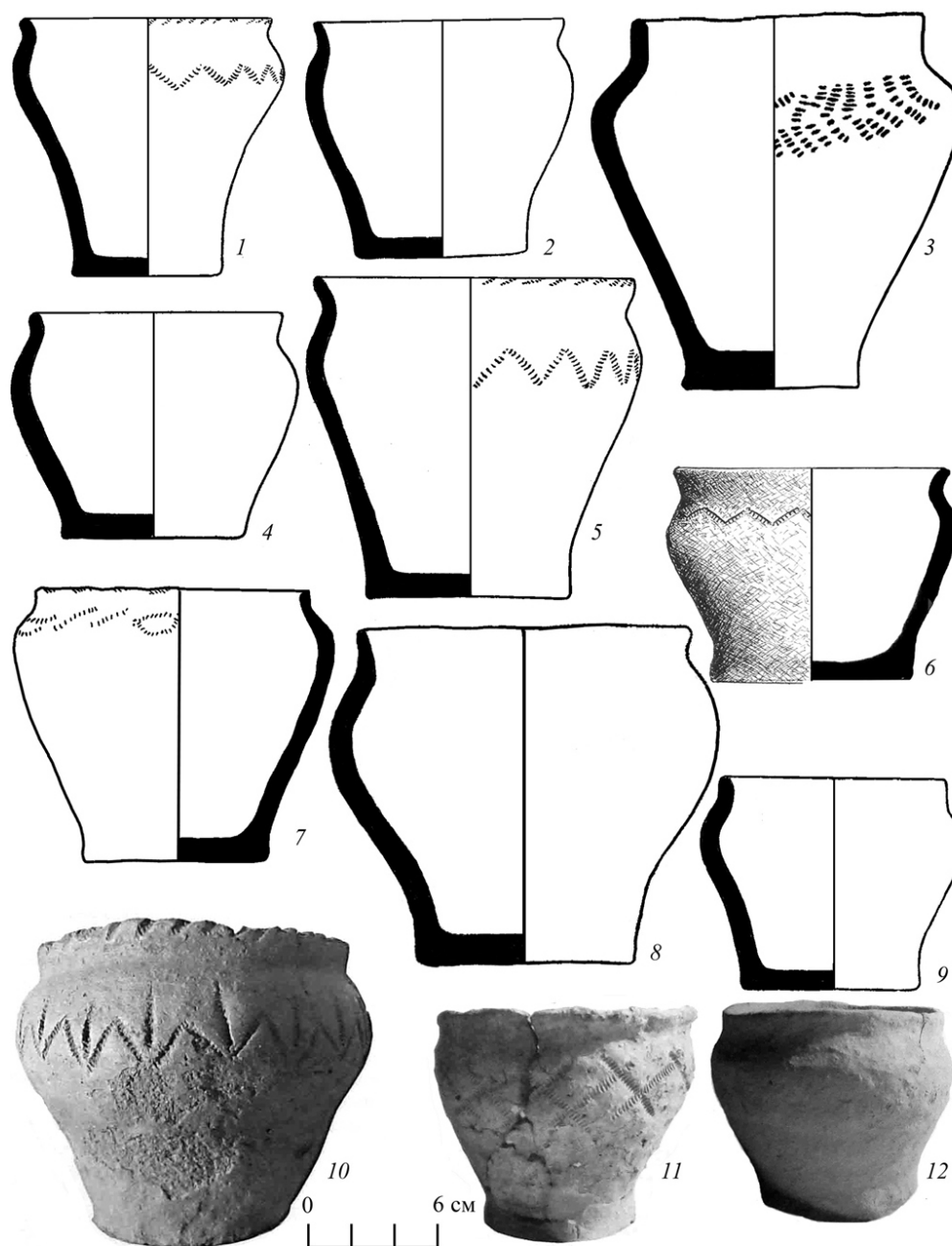

Рис. 1. Культура смоленских длинных курганов. Лепная керамика: 1, 2, 4, 5, 8 – Слобода-Глушица (1 – кург. 26, погр. 3; 2 – кург. 2, погр. 1; 4 – кург. 11, погр. 1; 9 – кург. 13); 3, 10 – Еловцы, кург. 36, погр. 1; 6, 7 – Шугайлово, кург. 3; 8 – Заозерье, кург. 3, погр. 2; 11, 12 – Дроково (11 – кург. 10, погр. 2; 12 – кург. 10, погр. 1)

В современной научной литературе появились новые аргументы в пользу «южного» варианта происхождения славянского компонента КСДК, что позволяет вернуться к этому вопросу. Заметный интерес представляют изыскания В.С. Нефёдова, который в инвентаре КСДК выделил представительную группу вещей салтовского происхождения или подражаний им. Исследователь сконцентрировал свое внимание на источнике поступления – салтовских древностях – и конечном получателе продукции

хазарских мастеров – носителях КСДК. По его мнению, процесс проникновения «южных» находок в Смоленское Поднепровье стал результатом длительных торговых и культурных контактов. Тем не менее в завершение своей работы В.С. Нефедов замечает, что они не имели непосредственного характера, а осуществлялись через носителей роменской культуры. Их максимум приходился на «...волынцевский и раннероменский этапы (середина VIII – 1-я половина IX вв.)» [Нефёдов 2002: 137–138].

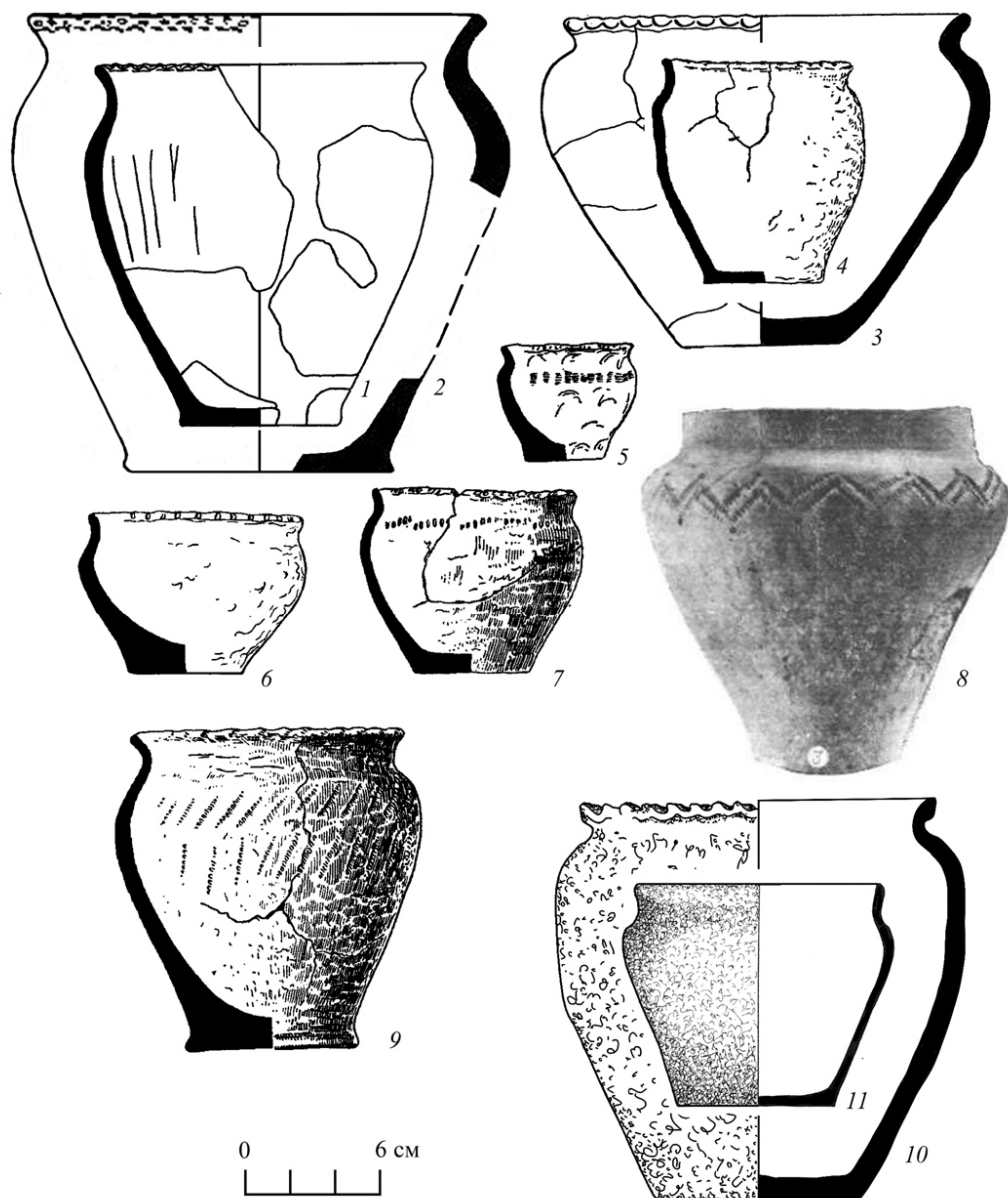

Рис. 2. Лепная керамика волынцевского культурно-хронологического горизонта и (1–3) и роменской культуры (4–11): 1 – Веселое, пос.; 2 – Волынцево (ур. Стан), пос.; 3 – Токари, пос.; 4–7, 9 – Новотроицкое, гор.; 8 – Дорошевка, кург. (без масштаба); 10 – Шуклинка, сел.; 11 – Ратское, гор.

Действительно, уже простейший анализ географической ситуации позволяет сделать вывод о том, что салтовская продукция не могла попасть на северо-запад, минуя волынцевско-роменскую территорию. Не вызывает сомнений активность контактов алано-болгарского населения Хазарии и соседствующих с ними славян. Пик поступления к северянам салтовских изделий – 2-я половина VIII – 1-я половина IX в. [Балашов 2016: 42]. Влияние каганата ощущается также в погребальной обрядности и

домостроительстве [Приймак 2012а; 2012б: 63–68]. В то же время и в салтовской культуре отмечаются предметы славянского происхождения. Эти находки из закрытых комплексов 2-й половины VIII – начала IX в. позволили сделать В.С. Аксёнову вывод о том, что пришлые аланы и протоболгары брали в жены представительниц местного населения, а в их среде присутствовали воинские отряды из аборигенов, в том числе «волынцевцев» [Аксёнов 2010: 77].

Известны в северных провинциях Хазарии и украшения, которые могут быть связаны со Смоленским Поднепровьем. В катакомбе № 42 Верхне-Салтовского могильника, имеющей широкую дату в пределах 2-й половины VIII – середины IX в., к числу таковых В.С. Аксёнов отнес крупную трапециевидную подвеску с пуансонным орнаментом [Аксёнов 2010: 73. Рис. 1: 10]. Ареал такого рода находок достаточно велик, однако они хорошо известны и в КСДК, в частности – в Заозерье, Шугайлово, Дроково [Шмидт 2012: Рис. 19, 21; 2013: Прил. 1. Рис. 19: 5, 6, 12, 13; 2014: Рис. 4: 9, 20]. Вероятность того, что они могут быть связаны именно с КСДК, подтверждает пример катакомбы 1 (1911 г.) Верхне-Салтовского могильника (рис. 3: 15), на что обратил внимание В.С. Нефёдов, датировав погребение последней третью VIII в. [Нефёдов 2002: 138]. В нем присутствовало украшение, составленное из спирали, двух биэсовидных и трех трапециевидных подвесок (рис. 3: 15). Интересна и подвеска-амулет в виде головы барана из этого комплекса. Такой же предмет был обнаружен на волынцевско-роменской территории, около Рыльска [Шпилев 2017: Рис. 4: 7].

В последующем А.В. Комар заметно расширил список находок из спиралек, трапециевидных и биэсовидных подвесок, в результате чего пришел к выводу о том, что в промежутке салтовских горизонтов II и III, то есть начиная с 790 г., состоялось «совсем неединичное знакомство» населения Верхнего Салтова с украшениями КСДК, при этом синхронно появляются и салтовские украшения у кривичей [Комар 2017: 122–124; 1999: 132]. Самым ярким примером кривичско-хазарских контактов является погребение 2 катакомбы № 93 Салтовского IV могильника, исследованное в 2008 г. (рис. 3: 6, 11, 12, 16). На груди погребенной присутствовали 3 биэсовидные подвески с двумя трапециевидными, а также 6 спиралек (рис. 3: 6, 11, 12, 16). Наиболее вероятным временем создания комплекса является 2-я – 3-я четверть IX в. Авторы публикации В.С. Аксёнов и А.А. Лаптев предполагают, что в катакомбу была помещена женщина 18–20 лет из племени кривичей [Аксёнов Лаптев 2009: 245–250, 254–256].

В целом биэсовидные и трапециевидные подвески, а также спиральки можно отнести к признакам проникновения элементов КСДК на «юг», хотя последние два элемента в качестве такого рода маркеров обладают определенной долей условности ввиду их широкого распространения в древностях Восточной Европы. Их продвижение на салтовские территории вряд ли могло миновать Днепровское Левобережье, чему имеются подтверждения как в волынцевских, так и в роменских материалах (рис. 3: 3–5, 7–9, 13, 17, 19, 20, 22). Они дополняются предметами, крайне характерными для КСДК: височное кольцо с серповидными заходящими концами и трехдырчатая подвеска, обнаруженные на Переверзевском 2-м и Ратском городищах (рис. 3: 2, 23). К числу других находок «северного» происхождения относятся гривны некоторых типов. Они нередко встречаются в погребениях КСДК, однако их фрагментарность затрудняет поиски аналогий. От этих украшений обычно сохраняются обломки дрота и гораздо реже – их окончаний. Привлекают внимание два варианта их оформления: седловидная и костылевидная [Енуков 1990: 55, 56. Рис. 15: 9, 10; Шмидт 2012: Рис. 8: 14, 16; 18: 9].

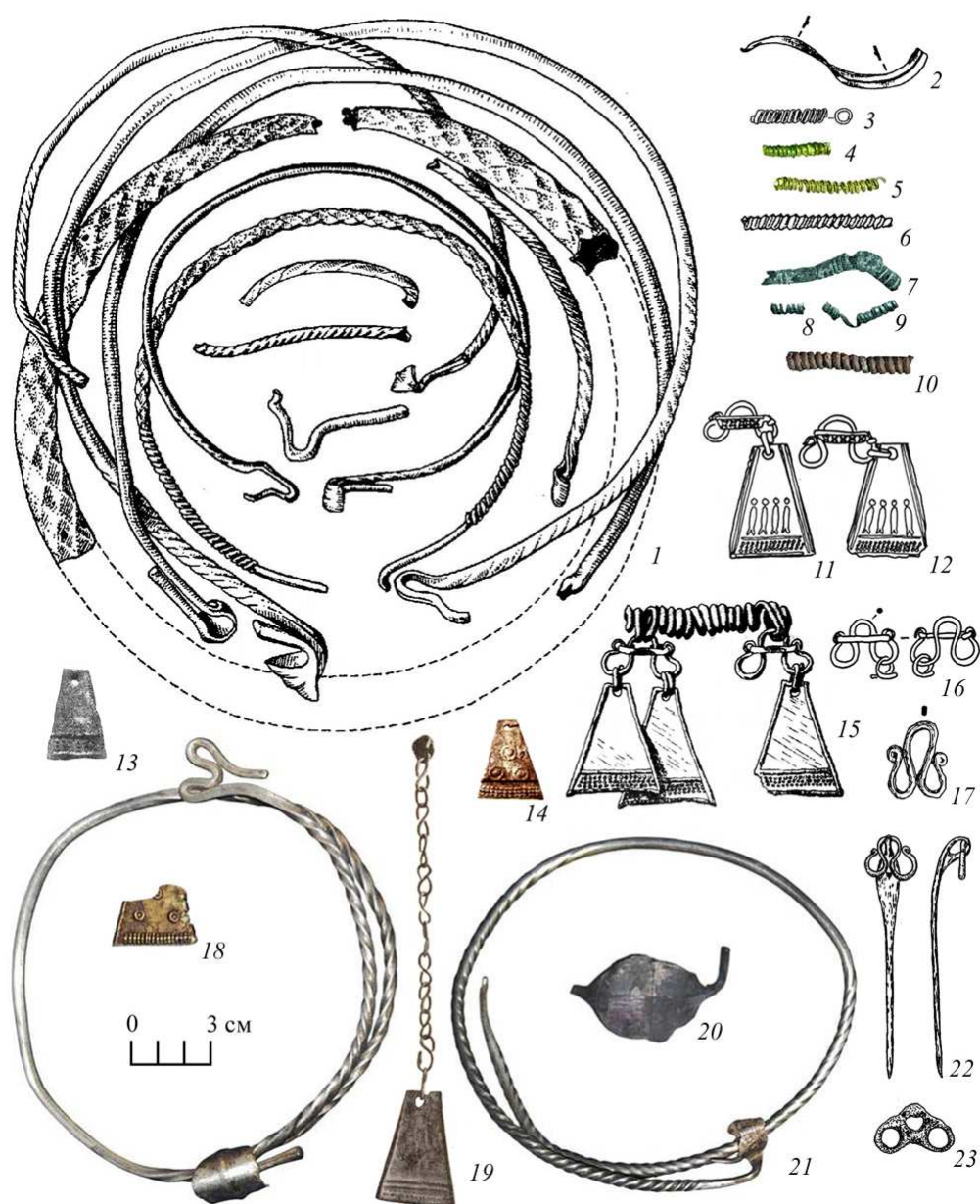

Рис. 3. Украшения населения днепро-донской лесостепи, имеющие аналогии в КСДК: 1 – Харьевка, клад; 2 – Переверзево, гор. 2; 3 – Короповы Хутора, клад; 4, 5 – Битица, гор.; 6, 11, 12, 14, 15, 16 – Верхний Салтов, могильник (6, 11, 12, 16 – кат. 93/2008 г.; 14 – кат. 5/1904 г.; 15 – кат. 1/1911 г.); 7–9 – Новотроицкое, гор.; 10 – Лебяжье, кург. 1, погр. 2; 13 – Марьяновка, кург. 1; 17 – Ратманово, подъемный материал; 18–21 – Ивахники, клад; 22 – Липино, гор.; 23 – Ратское, гор.

На первый из них обратил внимание В.С. Нефедов, указав, что такие замки известны на украшениях в «антских» кладах второй группы, конкретно – в Харьевском и Воробьевском, а также в более поздних комплексах 2-й половины VIII–IX вв., в числе которых – Ивахники, Горки, Узьмина [Нефёдов 2000: 192]. В волынцевских древностях имеются и другие примеры подобного рода. Клад из Андрияшевки, найденный в ходе раскопок жилища 1 поселения Мельники 1 (Сумская область), содержал 5 шейных гривен, 4 из которых имели по седловидному концу, из них 2 – по второму костылевидному. Авторы публикации Г.В. Жаров и Р.В. Терпиловский датировали находку на основании аналогий в кладах второй группы серединой VIII в. [Жаров, Терпиловский 2003: 20–22; 2018: 178–181. Рис. 4]. Из недавно включенных в научный оборот комплексов этой же группы следует отметить клад из Короповых Хуторов,

в котором один конец гривны был костылевидным. В нем присутствовали и спиральные пронизки [Колода 2017: Рис. 2: 5; 3: 4; 4: 1] (рис. 3: 3).

Упомянутый Ивахниковский клад относится уже к раннероменскому времени и датируется 30-ми – 40-ми гг. IX в. [Комар 2017: 126. Рис. 2: 5, 6]. В его составе был обломок седловидного замка (рис. 3: 18), а также два украшения, которые полностью повторяли форму гривен, однако за счет уменьшенного диаметра представляли собой, по уточнению А.В. Комара, головные венчики. Один из них имел седловидное и костылевидное завершения, второй – только костылевидное (рис. 3: 18, 21). В этом же комплексе присутствовали трапециевидные подвески и спиральки, которые также укладываются в кривичский вариант аналогий (рис. 3: 19, 20).

Что касается находок гривен с седловидными концами из Горки и Узмени, то приведенные В.С. Нефёдовым аналогии в контексте южных контактов вряд ли правомерны по двум причинам. Во-первых, они были найдены на территории Петербургской губернии. Во-вторых, гривны с седловидными и костылевидными концами имеют прибалтийское происхождение, отсюда и были привнесены в КСДК [Шмидт 2012: 51]. Н.В. Хвощинская, не сомневаясь в прибалтийском источнике указанного оформления замков этих украшений, по ряду признаков выделила особую группу из четырех восточноевропейских кладов (Горки, Узьмина, Долины и Мамекино). Исследователь пришла к выводу о том, что они пока могут датироваться в целом 3-й четвертью I-го тысячелетия с уточнением: до 2-й половины VIII в. Последний из этих кладов был найден в ареале волынцевско-роменских древностей у с. Мамекино Новгород-Северского района Черниговской области. К сожалению, от него сохранилась только одна гривна, однако по фасеткам на дуге она надежно увязывается с Прибалтикой [Хвощинская 2018: 184–188], представляя собой еще один «северный» след на юге.

Обращение ккладам второй группы позволяет уточнить хронологию «северного» импульса на территории Днепровского Левобережья. В качестве уточняющего хронологического репера важен Харьковский клад. Кстати сказать, в этом комплексе присутствовали также 9 браслетов с монолитными расширяющимися концами, происхождение которых связано с Прибалтикой, что лишний раз подтверждает реальность «северного» импульса [Приходнюк, Хардаев 1998: 256]. Как считают И.О. Гавритухин и О.А. Щеглова, клад попал в землю в 1-й половине VIII в., не ранее 2-й четверти этого столетия [Гавритухин, Щеглова 1996: 135]. А.В. Комар выделил группу комплексов, в которую наряду с Харьковкой и Андрияшевкой, содержащих вещи, известные в КСДК, включен Фотовиж. По его мнению, дату Харьковки можно сузить: клад был зарыт около 737 г. [Комар, Стрельник 2011: 161, 162]. В результате есть основания полагать, что первые «северные» украшения, известные в КСДК, появляются на Днепровском Левобережье раньше, нежели у салтовцев, что вполне логично с учетом географического фактора, при этом и проникновение салтовских элементов в Смоленском Поднепровье, исходя из хронологии А.В. Комара, «запаздывает».

Приведенные примеры демонстрируют направления контактов «с севера на юг», однако есть свидетельства и обратного характера. Помимо салтовских находок, а также специфической по морфологии и декору керамики, в Смоленском Поднепровье фиксируются и другие «южные» признаки, источником которых была волынцевско-роменская среда. Яркой иллюстрацией тому являются два браслета с расширяющимися полыми концами из погребения 1 кургана 2 в Цурковке. В.С. Нефедов приводит аналогии им в «антских» кладах второй группы конца VII – середины VIII в., однако на основании орнамента относит цурковские изделия к дериватам, определяя хронологию кургана в целом периодом после середины VIII в., но не позднее конца

VIII – начала IX в. [Нефедов 2000: 192, 195–196. Рис. 1: 2, 4]. В остальных случаях артефакты не имеют узких хронологических определений, однако важным и показательным представляется тот факт, что речь идет о предметах, связанных с хозяйственной жизнью. В свое время мной уже было уделено внимание самой массовой категории предметов погребального инвентаря КСДК – ножам. В работе было учтено 44 находки, однако только 24 из них сохранили форму. В основу их анализа была положена классификация Р.С. Минасяна, который обосновал их этнокультурную интерпретацию. Тип 1 (3 экз.) соотносится с древностями прибалтийских, финских племен, тушемлинской культуры и псковских длинных курганов (рис. 4: 1). Самый многочисленный тип 2 (13 экз.) имеет хорошо выделенные уступы между клинком и черенком, который, как и в предыдущем случае, входил в рукоять примерно до половины (рис. 4: 2–4). Такие изделия были характерны для славян лесостепной и юга лесной зон Восточной Европы начиная с постзарубинецких памятников. Тип 3 (8 экз.) также имеет хорошо выделенные уступы между, как правило, сильно сточенным клинком и черенком, но последний соответствует длине рукояти (рис. 4: 5, 6). Эти изделия имеют северогерманское происхождение и появляются в Старой Ладогe с самого начала ее существования, а также известны в сопках [Минасян 1980; Енуков 1990: 69–70].

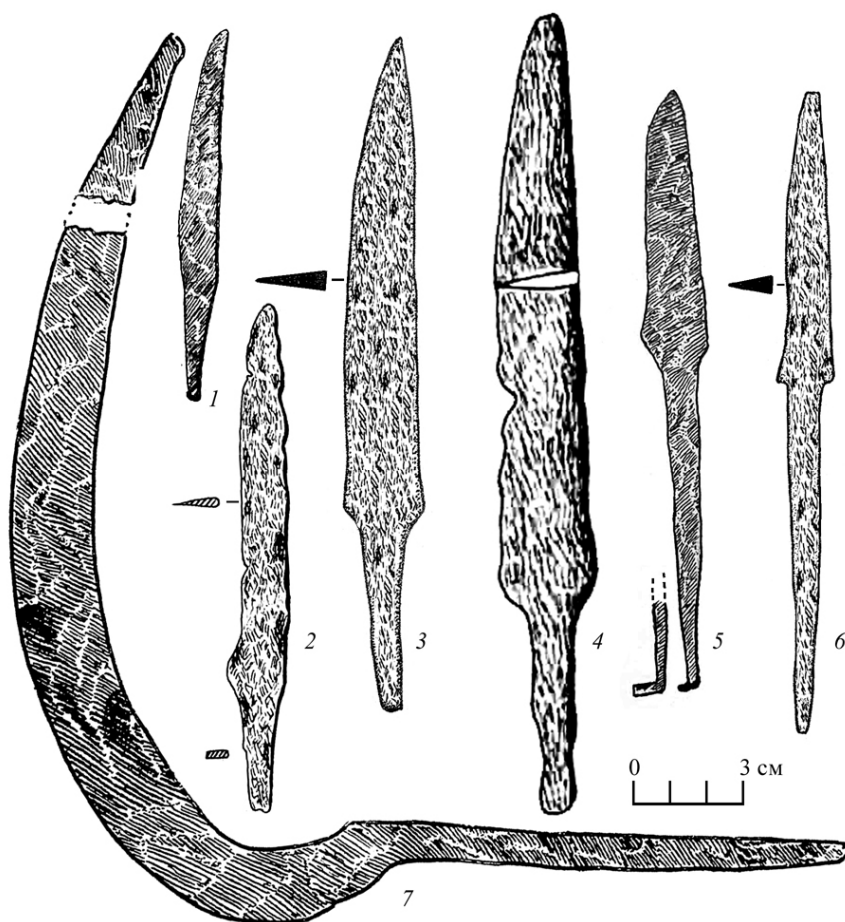

Рис. 4. Предметы хозяйственного назначения из погребений КСДК: 1, 5, 7, 19 – Шугайлово (1 – кург. 1, погр. 1; 5 – кург. 19; 7 – кург. 7, погр. 2); 2 – Дроково, кург. 6; 3 – Довбор, кург. 1, погр. 4; 4 – Еловцы, к. 37; 6 – Еленово, кург. 13

Таким образом, в КСДК преобладали ножи, происхождение которых можно с уверенностью связывать с «югом». В данном случае не была учтена находка из погребения 2 кургана 1 в Шугайлове, которую В.С. Нефедов справедливо отнес

к числу салтовских изделий [Нефедов 2002: 135. Рис. 4: 3], однако она не противоречит общей картине, а органично вписывается в нее. Заметную, хотя и меньшую, долю в анализируемой выборке составляют ножи типа 3 (так называемые «самозатачивающиеся»), что может иметь два варианта объяснения. Первый предполагает контакты кривичей с населением «севера», в частности обитателями Ладоги, где на находки украшений КСДК неоднократно указывалось, в том числе и автором. В.С. Нефедов посвятил этому вопросу специальное исследование, что позволило уточнить комплекс кривичских предметов, но общий вывод остался прежним [Нефёдов 2003]. Второй вариант проникновения этих изделий в среду КСДК сводится к тому, что в последующем северогерманская технология трехслойного пакета получает заметное распространение в ремесленных мастерских Севера и Северо-Запада, и здесь внимание привлекают два протогородских центра, в которых производились украшения, характерные для женщин КСДК: Гнездово и Городок на Ловати [Ениосова 2001; Горюнова 2016: 44]. В Гнездове такой кузнечный прием безраздельно господствовал [Пушкина, Розанова 1992: 201], в Городке – преобладал [Горюнова 2016: 80, 81]. Впрочем, два варианта не исключают и третьего, сочетающего два первых.

Еще одна категория качественных кузнечных поковок представлена серпами. В погребениях КСДК они немногочисленны, однако показательны. В Заозерье был найден серп, у которого ось черенка является продолжением оси задней части клинка и дальнейшим его изгибом [Шмидт 2012: 54. Рис. 29]. Эти изделия хорошо известны в лесной зоне, в частности, в тушемлинской культуре [Шмидт 2003: Табл. 14; 15: 3, 5, 6, 8–10]. В Шугайлове [Шмидт 2013: Рис. 19: 23] (рис. 4: 7) и Глинище [Штыхов 1966: Рис. 3: 3] серпы имели сильно изогнутые клинки с отогнутой рукоятью. Такие формы появляются еще в латене, став в V–VII вв. характерными для пражско-корчакской культуры [Минасян 1979: 84]. В дальнейшем они распространяются на Днепровском Левобережье начиная с волынцевских древностей [Ляпушкин 1959: Рис. 13; Сухобоков 1992: 76, 77. Рис. 15; Колода, Горбаненко 2010: 143. Прил. 3].

Таким образом, контакты по оси «КСДК–Волынцево/роменцы–Салтово», которые действовали в обоих направлениях, сомнений не вызывают. Украшения, известные в КСДК, появляются в волынцевскихкладах до середины VIII в., с учетом Харьевки – не позднее 2-й четверти VIII в. Проникновение в это время предметов прибалтийского облика, лежащего в основе комплекса украшений КСДК, косвенно подтверждается Мамекинским кладом. В свою очередь, на раннее появление на Смоленщине гривен с костылевидным концом указывает находка фрагмента такого изделия на тушемлинском городище Вязовенька [Шмидт 2003: 84. Табл. 24: 11]. Не исключено, что этот артефакт отражает первые контакты пришлых прибалтийских переселенцев с аборигенами.

«Южный» импульс в Смоленском Поднепровье относится к более позднему времени. Ранее В.С. Нефёдов предполагал в КСДК наличие «предсалтовского» периода, но позднее он отказался от этой идеи, считая, что начало формирования культуры было синхронным появлению салтовских артефактов [Нефёдов 2000: 192; 2002: 138]. Приведенные факты свидетельствуют в пользу его реальности, а схему этнокультурных процессов на уровне сегодняшних знаний можно представить в следующем виде. В Смоленском Поднепровье в пределах 1-й половины VIII в. появляется новое население, связанное своим происхождением с Прибалтикой, причем какие-то его группы двигаются дальше, проникнув не позднее 2-й четверти VIII в. на территорию Днепровского Левобережья. Во 2-й половине – конце VIII в. пришельцы достигают северных провинций Хазарии, и примерно с этого же времени на Смоленщине отмечаются «южные» элементы. Вряд ли они объясняются только

культурным влиянием соседей. Находки, связанные с повседневной жизнью, указывают, скорее всего, на физическое присутствие в Смоленском Поднепровье представителей населения Левобережья.

Процесс инфильтрации населения на «север» имел постепенный и достаточно длительный характер, на что указывают разнесенные по времени алано-болгарские артефакты. С этим выводом согласуется и анализ декора посуды КСДК. Сосуды с веревочным орнаментом по венчику и реже – плечикам в небольшом количестве известны на поселении Волынцево (ур. Стан) и Битице [Щеглова 1986: 21; Комар 2012: 150]. Во времена Опошни, которая, похоже, занимала промежуточное положение между волынцевскими и роменскими древностями, он еще зачастую наносился на венчики [Сухобоков, Юренко 1995: 60–61], и только материалы Новотроицкого городища демонстрируют заметное распространение композиций на плечики горшков, что хорошо известно в керамическом комплексе КСДК (рис. 1: 1, 3, 5–7, 10, 11). Такого вида орнамент присутствует, главным образом, на сосудах Смоленщины, тогда как в Белоруссии он исключительно редок [Енуков 1990: 88, 89. Рис. 39; Дучыц 1991: Мал. 4; Штыхаў 1992: Мал. 6: 5, 9; 34; 36: 5; 54: 2–5; Плавінскі 2017: Мал. 18:1; 42: 1; 57:1; 68: 3; 78; 91; 100: 1, 2]. Это подтверждает тот факт, что в пределах ареала КСДК именно Верхнее Поднепровье представляло собой зону активных контактов с «югом». Что касается отмеченных О.В. Сухобоковым различий в составе отошающих примесей, то восприятие уже сложившихся местных традиций состава теста пришлым населением вряд ли стоит считать невозможным.

Максимум поступления салтовских вещей в Смоленское Поднепровье, приходящийся на 2-ю половину VIII – 1-ю половину IX в., свидетельствует, на первый взгляд, о затухании в дальнейшем процесса притока «южных» элементов. Однако такой вывод не имеет оснований, так как одновременно их количество уменьшается и на роменской территории. Контакты кривичей с северянами продолжались и, не исключено, на каком-то этапе даже активизировались, о чем свидетельствуют несколько увеличившееся количество находок КСДК на роменских памятниках по сравнению с предыдущим временем.

Библиографический список

Аксёнов В.С. Вещи славянского облика на салтовских памятниках Верхнего Подонечья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны КОРЗУХИНОЙ (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 73–78.

Аксёнов В.С., Лаптев А.А. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 9. Харьков: ООО «НТМТ», 2009. С. 242–258.

Балашов А.А. Салтовские древности на территории Посемья: к вопросу о межэтнических контактах // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. Печатный орган Международной академии исторических и социальных наук. 2016. № 5 (113). С. 35–46.

Гавритухин И.О. Датировка начальных фаз культуры Луки-Райковецкой // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст: колл. монография / И.О. Гавритухин, О.А. Щеглова, А.М. Обломский, И.Р. Ахмедов, В.И. Малашев, А.В. Мاستыкова, В.Е. Родникова. М.: ИА РАН, 1996. С. 136–139. (Серия «Раннеславянский мир». Вып. 3).

Гавритухин И.О., Щеглова О.А. Хронология начальных фаз памятников волынцевского круга // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. С. 133–135.

Горюнова В.М. Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 351 с.

Дучыц Л.У. Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV ст.ст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск: Навука і тэхніка, 1991. 120 с.

Ениосова Н.В. Украшения культуры смоленских длинных курганов из раскопок в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы научного семинара за 2000 год. Псков: ИА РАН, Псковской государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2001. С. 207–219.

Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.: Археологическое Агентство Экспериментального творческого центра Мосгорисполкома, Курский ордена «Знак Почета» государственный университет, 1990. 262 с.

Енуков В.В. Псковские и смоленские длинные курганы (по данным погребального обряда) // Советская археология. 1992. № 1. С. 57–68.

Жаров Г.В., Терпиловський Р.В. Знахідка сіверянських прикрас у верхоріччі Сули // Пам'ятки України. Історія та культура. Науковий часопис. 2003. №4. С. 22–24.

Жаров Г.В., Терпиловський Р.В. Горизонт волинцівської культури поселення Мельники 1 поблизу с. Андріяшівка // Старожитності Лівобережжя Дніпра / Antiquities of the Dnieper Left Bank Region: збірник наукових праць. Київ-Котельва: ЦП НАН України і УТОПК, 2018. С. 173–182.

Колода В.В. Место «антского клада» с городища Короповы Хутора в контексте взаимовлияния пеньковской и салтовской культур // Дриновский сборник. Т. X. София–Харьков: Българска академия по науките, Харьковски национале университет «В.Н. Каразин», 2017. С. 83–93.

Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Київ: Інститут археології НАН України, 2010. 216 с.

Комар А.В. Предсталтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antique. 1999. № 2. С. 111–136.

Комар А.В. Поляне и северяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 128–191.

Комар А.В. Ивахниковский клад (время сокрытия и культурные связи) // Stratum plus. 2017. № 5. 113–131.

Комар А.В., Стрельник М.А. «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // Stratum plus. 2011. № 5. 143–172.

Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках волынцевского типа // Советская археология. 1959. Вып. XXIX–XXX. С. 58–83.

Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 21. 1980. С. 68–74.

Минасян Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. № 19. 1979. С. 74–85.

Нефёдов В.С. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы научного семинара. 1996–1999. Псков: ИА РАН, Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2000. С. 191–199.

Нефёдов В.С. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гісторыка-археалагічны зборнік. 2002. № 17. С. 131–139.

Нефёдов В.С. Некоторые замечания об украшениях культуры смоленских длинных курганов из раскопок в Старой Ладоге // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г.: сб. ст. СПб.: Нестор-История, СПб ИИ РАН, 2003. С. 58–67.

Обломский А.М., Щеглова О.А. Памятники волынцевского типа, их специфика и генезис // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. С. 130–132.

Плавінскі М.А. Курганны магільнік Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер'я. Мінск: А.М. Янушевіч, 2017. 224 с.

Приймак В.В. Элементы салтовского погребального обряда в волынцевских древностях // Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре: сб. материалов межрегион. науч. конф. (г. Рыльск, 3 июня 2011 г.) / ред.-сост. А.И. Раздорский. Рыльск: РАТКГА – филиал МГТУГА, 2012а. С. 15–24.

Приймак В.В. Этнокультурный сдвиг на территории Днепровского Левобережья VII–VIII вв. (Степь и южная полоса Лесостепи) // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2012: збірник наукових праць / наук. і відп. ред. О.Б. Супруненко. Київ–Полтава: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК, 2012б. С. 60–93.

Приходнюк О.М., Хардаев В.М. Харивский клад // Archaeoslavica. 1998. № 3. С. 243–278.

Пушкина Т.А., Розанова Л.С. Кузнечные изделия из Гнездово // Российская археология. 1992. № 2. С. 200–220.

Седов В.В. Длинные курганы кривичей / Свод археологических источников. Е1–8. М.: Наука, 1974. 68 с.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. М.: Наука, 1982. 327 с.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: Институт археологии РАН, 1995. 416 с.

Спицын А.А. Удлиненные и длинные русские курганы // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Т. V. СПб., 1903. С. 196–202.

Спицын А.А. Литовские древности // Taut air Zodis. Epe Lituana. Kaunas, 1925. Liber III. S. 112–171.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова Думка, 1975. 167 с.

Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове лівобережжя в VIII–XIII ст. Київ: Наукова думка, 1992. 216 с.

Сухобоков О.В., Юренко С.П. Опошнянское городище (по материалам археологических исследований 1975 г.). Полтава: ИА НАНУ, Центр охраны и исследований памятников археологии Управления культуры Исполкома Полтавского областного Совета народных депутатов, 1995. 72 с.

Третьяков П.Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки // Советская археология. 1969. № 4. С. 78–90.

Хвоцинская Н.В. К интерпретации кладов серебряных гривен в Восточной Европе // Археологические вести. Вып. 24. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 182–189.

Шмидт Е.А. Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I-го тысячелетия н.э. // Acta Baltica-Slavica. Białystok, 1969. Т. VI. S. 129–144.

Шмидт Е.А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск: Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, 2003. 296 с.

Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск: Смоленск. гос. ун-т, 2012. 168 с.

Шмидт Е.А. Шугайлово (Комплекс археологических памятников). Смоленск: Свиток, 2013. 136 с.

Шмидт Е.А. Древности Смоленской земли: материалы из фондов Смоленского государственного музея-заповедника. Смоленск: Свиток, 2014. 203 с.

Шпилев А.Г. Металлические предметы круга хазарских древностей VIII–X вв. из Курской области (Россия) // Естественнаучные методы в изучении и сохранении памятников Костёнковско-Борщевского археологического региона: материалы Междунар. практич. конф. (Воронеж, 15–17 сентября 2016 г.). Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2017. С. 168–198.

Штыхов Г.В. Раскопки курганов под Полоцком // Вопросы истории и археологии. Минск: АН БССР, 1966. С. 268–275.

Штыхаў Г.В. Крывічы: Па матэрыялам раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 191 с.

Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. 1986. № 187. С. 15–22.